

Пролог

Едва слышный звук известил о том, что конденсатор принял необходимый для выстрела заряд из основной батареи. Чтобы убедиться в этом, бросаю короткий взгляд на индикатор — так и есть, шкала полностью зелёная. Не то чтобы это было необходимо... просто привычка. А так я давно уже научилась ориентироваться по слуху.

Пора. Полувдох, задержка, процесс доведён до автоматизма. Пальцем оглаживаю спусковой крючок. Ну, насколько это позволяет прорезиненная поверхность перчатки моего скафандра. Плавно потянула — ружьё совсем немного вздрогнуло, а по ту сторону прицела эрг, трубно взревев, резко развернулся. Но это было последнее, что он успел сделать. Конденсатор набирает заряд быстро, и ружьё снова готово. Следующая пуля угодила точно в глаз.

— Растяпа, блин!!! — шепчу сама себе, продолжая наблюдать через визор прицела, как мощные ноги подогнулись и примерно трёхтонная туша сунулась мордой в склон холма, на котором в изобилии произрастала сочная, изумрудного цвета трава.

Злюсь на саму себя. Потому что жаба душит. Лишний выстрел — это почти тысяча имперских кредитов на ветер. Руки оторвать и в задницу вставить, где им самое место. Но что сделано, то сделано. Некогда убиваться из-за лишней тысячи, выброшенной на ветер. Работать надо. Эрги сами себя не застрелят.

Стадо прынуло в сторону. Инстинкт самосохранения гнал животных подальше от места, где их косила невидимая смерть. Но прежде чем они скрылись из виду,

успеваю сделать ещё три результативных выстрела, заставив столько же молодых «коров» рухнуть неподалёку. На этот раз справилась на сто баллов: один выстрел — одна туша. Отлично. Настроение начинает возвращаться в норму. На сегодня хватит.

Жалко, конечно, этих красивых и сильных животных. Но ничего не поделаешь. Выбор стоит так, что либо они умирают — я становлюсь на шаг ближе к закрытию контракта, либо они живут, а я... Вот у меня вариантов больше. Могу сдохнуть, могу дальше как-то жить, но в любом случае с Экзотта сбежать не получится. Единственное условие, которое позволит покинуть планету, — полное выполнение контракта с корпорацией, как бы «работодателем». Так что увы и ах. Между эргами и мной я выбираю себя любимую. Слишком много отдать долгов надобно, а находясь здесь, этого не сделаешь.

Можно было бы подстрелить ещё пару-тройку, но это лишнее. Негласное правило охотников, которое было обязательным к исполнению, гласило: не бери больше, чем можешь унести. Успеть бы этих до темноты разделить и упаковать, день уже на исходе.

Откровенно говоря, охотиться именно сегодня совсем не собиралась. Место в грузовом отсеке ещё есть, конечно, но как бы перегруза не случилось, что не лучшим образом скажется на характеристиках летуна. Пожадничала. Однако уж больно удачно стадо на пути подвернулось. Да хорошее такое, жирное. Грех не воспользоваться удачей. Ибо удача промысловика — дама ветреная и обидчивая. Обидеть легко, задобрить сложно. Давно и не мной замечено: проигнорируешь такой подарок — заманаешься потом искать нормальную дичь. Так что суеверия — дело такое: все смеются и тем не менее лишний раз стараются не искушать эту такую переменчивую деву.

Ну да ладно. Теперь начинается самое сложное и мутное, бляха муха. Потому что грязное, монотонное и опасное. Однако что поделать? Работа есть работа. Тяжелый вздох сам собой вырывается из груди.

— Пчёла, ко мне, — отправляю голосовое сообщение на искин летуна и начинаю не особо спеша сворачивать лёжку. Не спеша потому, что таким вот образом оттягиваю начало неприятной, давно опостылевшей работы.

Через пару минут машина (которую любой землянин, живший двести пятьдесят лет назад, в конце двадцатого или в начале двадцать первого века, опознал бы как квадрокоптер, только очень большой), гудя четырьмя импеллерами, вздымая кучу пыли пополам с вырванной травой, плавно опустилась рядом, зависнув в полуметре от поверхности. «Пчёла», по правде сказать, на самом деле не квадрокоптер, но работает по аналогичной схеме. Просто вместо пропеллеров стоят турбоимпеллеры, создающие реактивную тягу, используя исключительно атмосферу планеты. Но вообще очень похоже.

Сдвигается дверь, открывая доступ к шлюзу. Ладно, чего уж там! Харе булки мять. Цепляю тяжёлую бандурину ружья одной рукой, скатку — другой. Опа! Запрыгиваю на площадку, дверь закрывается, отсекая тонкой перегородкой меня от Экзотта. Загудела система очистки и обеззараживания. Организм, понятное дело, давно привит от местной микроскопической злобной нечисти, но сами понимаете: бережёного Бог бережёт. Оно ведь как: сама о себе не позаботишься — потом неделю с температурой под тридцать восемь работать. Прививки могут лишь защитить от летального исхода болезни. А всё остальное как обычно. Незабываемые ощущения гарантированы.

К тому же норму дневной выработки никто не отменит. Понятно, что отлежаться дадут и даже лечение предоставят на базе, если совсем немоготу станет. Вот только потом потребуют полуторную норму за каждый вынужденный день простоя, пока не закроешь долг по этой самой норме, не говоря уже о том, что лечение тоже ведь совсем не бесплатное. Очень-очень не бесплатное. Короче, ну его на фиг — болеть.

А всё почему? Да потому, что господа имперцы столкнулись с нашим земным, а точнее русским менталите-

том, когда начали вербовать землян на контракт. Впрочем, не стоит всех землян одним аршином мерить. Вот те же немцы (они себя теперь германцами называют) — народ законопослушный, их менталитет от имперского, собственно, мало чем отличается. Англы тоже примерно такие же в этом плане. Да много кого перечислить можно.

Зато славяне, а конкретно русскоязычные, в своём репертуаре. Как было раньше, до выхода в большой космос, в смысле «авось» да «как-нибудь», так и осталось. Никуда не делось. Правила безопасности? Не, не слышали. Хоть миллион инструктажей проведи — без толку. Всегда найдётся любознательный кретин, желающий проверить на себе целесообразность соблюдения прописанных правил. Ну и проверяли... Ну и допроверялись... некоторые.

Регулярно случается нечто подобное. Уже не раз и не два было, когда половина работников промышленного опорного пункта на карантин укладывались по вине таких идиотов, валяясь пластом вместо того, чтобы работать в поте лица, принося тем самым прибыль корпорации, а заодно и себе любимым приближая долгожданное окончание контракта.

Вот и получается, что планетарной администрации, представляющей здесь корпорацию «Биорес», приходилось принимать жёсткие меры, дабы образумить. Они (я про меры) и изначально-то не больно мягкими были, а потом так и вовсе драконовскими стали. Самое главное, что меры эти коснулись всех, а не только виновников. За что нас, в смысле славян, в промышленной среде с некоторых пор недолюбливают. Имеется в виду, в среде промышленного люда.

Администрации-то как раз пофиг. Она сидит под защитным полем Центральной планетарной базы (ЦПБ). Ей что? Главное, товар везите, пусть и в минимально необходимых объёмах, а там — хоть трава не расти. Ну что поделывать, если некоторых идиотов иначе убедить не получается? Так что правило полуторной, а иногда даже и двойной нормы за простои, по сути, введено благода-

ря врождённой безалаберности и тому самому русскому «авось».

С другой стороны, мне и самой иногда эта имперская законопослушность поперёк глотки становится. Нет, ну правда, порой даже чересчур бывает. Однако в данном случае вынуждена согласиться: законопослушность скорее благо. Потому что знаменитый русский «авось» на Экзотте не пляшет. Вот совсем. То есть абсолютно. Чуть зевнул — и труп. Планета умеет убивать идиотов, такие тут не задерживаются. Точнее, задерживаются, только уже... навсегда.

Скатка заняла место на полке. Охотничье ружьё встало в специальную выдвижную «пирамиду», в нём пока нет больше надобности. Если что случится, крутиться придётся быстро и стрелять тоже. Эта убойная бандура для манёвренного боя не подходит: громоздкая и сильно длинная. А вот два тяжёлых армейских игольника, заряженных вперемежку бронебойными и разрывными иглами, всегда с собой. Сама переснаряжаю магазины, мне это даже в удовольствие где-то. Сидишь, вталкиваешь пальцами иглы, а голова о своём думает.

Иглы россыпью-то не продаются, только в уже снаряжённых обоймах. И при этом никогда смешанными сразу не бывают, исключительно одного типа. Но ерунда это. Долго ли вручную переснарядить? Нет ничего лучше для успокоения души — почти медитация, если кто понимает. Ну и жизненная необходимость, конечно. Причём в прямом, а не переносном смысле. На Экзотте разве что в пределах купола Центральной планетарной базы можно расслабиться или под надёжными сводами ПОП (промышленный опорный пункт), и то относительно. Во всяком случае, стрелковое вооружение и там и там запрещено к открытому ношению.

Пирамида скрылась внутри переборки транспортного средства. Скафандр снимать рано. Впереди работы непочатый край. Четыре шага — и вот оно, кресло пилота, скорее ложемент даже. Места мало, машина упакована

очень плотно. Из свободного пространства — узкий коридорчик, вот в эти самые четыре шага. Поэтому даже место пилота выглядит как вставшие на дыбы носилки. Просто поворачиваешься к ним спиной, прижимаешься, специальные крепления входят в пазы на скафандре, фиксируя хозяина. Затем конструкция разворачивается по ходу движения корабля и только потом трансформируется в собственно ложемент, в котором пилот находится почти лёжа. Рассказывать долго, но так-то всё очень быстро происходит.

М-м-мда-а-а! Летун! Более неуклюжей с виду машины, пожалуй, и не найдёшь нигде. Но не стоит обманываться. На самом деле техника очень хорошая, просто проектировалась под определённые цели. Да, пусть он напоминает внешними обводами цистерну, немного заострённую спереди, там, где кабина, но тем не менее летает вполне сносно — для своих задач.

А так даже вот сравнить не с чем, чтобы точнее пояснить. Хотя ежели кто увлекается древними фильмами, времён двадцатого — начала двадцать первого века и видел обводы пассажирских самолётов того времени, тот поймёт. Если обрезать часть фюзеляжа такого вот самолёта (метров двадцать пять примерно вместе с кабиной), как раз один в один выйдет. Ну а кто никогда не видел тех фильмов, легко может посмотреть, если в галонете забудёт в поисковик фразу «старое кино».

Так вот, к этой цистерне прикреплены четыре турбоимпеллера на электрической тяге, как у того самого квадрокоптера. Два спереди — слева и справа — крепятся на пилонах, а следующая пара расположена сзади и чуть выше, так, что бочка фюзеляжа висит под ними. Кстати, два задних импеллера мощнее и, соответственно, больше по габаритам, нежели передние, потому что при полной загрузке грузового отсека именно на них приходится основная масса.

Причём высокое расположение двигателей относительно корпуса машины — это не блажь совсем. Просто

для тех задач, для которых машина предназначена, так оказалось удобней. Кроме того, расположение задней пары импеллеров выше рабочей зоны передних даёт возможность разворачивать все четыре двигателя почти горизонтально поверхности, что, в свою очередь, позволяет развивать приличную скорость, невзирая на практически полное отсутствие аэродинамических свойств всей конструкции.

Ну и в дополнение ко всему прочему имеются три простейших антиграва. Два сзади, установлены в днищевой части, и один впереди. Почему простейшие? А потому что их предназначение сугубо вспомогательное. В них нет функции сёрфинга. Работают только на подъём, для компенсации груза и веса корпуса. Конструкция простейшая, но тем не менее позволяющая неуклюжей машине летать и перевозить на борту приличное количество груза и оборудования.

В кормовой части имеется крышка грузового трюма, внутри которого размещается оборудование шоковой заморозки и, собственно, хранится добытый груз — в спрессованном виде, конечно же. Исключительно мясо и ценные органы, кости никому не нужны. Разве что рога да копыта (если добыча травоядная), зубы некоторых хищников или бивни, буде такие имеются. Но эти вещи крепятся, как правило, снаружи. Потому что внутри грузового отсека хранится исключительно самое ценное. А это именно некоторые органы и мясо. Остальное так, по желанию. Можно брать, а можно бросить, что, в принципе, и происходит повсеместно. Потеря невелика.

Рога, копыта, зубы, бивни и такое прочее идёт на сувениры, которые вроде бы — по слухам — хорошо расходятся в Центральных мирах империи. Но платят за сырьё так себе, примерно сотня кредитов за килограмм. Нет, понятно, что курочка по зёрнышку клюёт, но возни много — выхлопа мало. Оно надо? Вот если заказ какой срочный, тогда и цена нормальная. А когда знаешь, за что работаешь, вроде и не так чтобы в тягость.

Но вот ложемент занял рабочее положение. Происходит подключение искина к интерфейсу личной нейросети.

— Пчѐла, что тут у нас? — задаю вопрос голосом, хотя и без того прекрасно вижу результаты телеметрии — снаружи никого, если не считать клубы пыли от удаляющегося стада эргов.

— Тихо, командир. Можно работать.

— Ага, вижу. Давай к месту. Всё по схеме.

С небольшим наклоном на нос летун двигается к валяющимся тушам и висит над самой крупной.

— На позиции. Пугалка и силовая штора активны. Грузовое устройство готово к работе. Сброс коробов шоквой заморозки произведѐн. Охранные турели — товсь.

Эх, жаль, что не получилось установить разведывательный модуль с четвёркой дронов сразу. Правда, на моём трофейном скафандре имеется уменьшенная копия. Можно сказать, повезло: предыдущий хозяин раскошелился. Но он маломощный, модуль в смысле. Мобильная, так сказать, версия. И дроны, в нём обитающие, соответственно, малипусенькие. Тоже, если задуматься, подспорье приличное, но полноценного аналога, установленного на машине, очень не хватает. Там и радиус действия должен быть выше на порядок, а то и два, да и оснащены летучие гаврики намного серьёзней, чем моя мелюзга.

Впрочем, энергетический ресурс также раз в десять больше по сравнению с имеющейся мелочью. Кроме того, четыре летучих помощника, что разместились в специальной нащёлке на правом плече, подчиняются непосредственно искину скафа. Но если честно, я ими почти не пользуюсь. Потому что сложно и работать, и отслеживать окружающую обстановку. А «Пчѐла» к ним доступа не имеет.

При желании, если заморочиться, конечно, можно было бы переподчинить. Да толку будет всё одно немного: слабенькие они, дальше пяти километров не работают.

А на таком расстоянии искин летуна и имеющимися следящими инструментами вполне справляется. Для того, собственно, и намылилась на ЦПБ, чтобы закрыть этот досадный пробел. Давно пора оснастить своего летуна полноценным разведывательным модулем.

— Спасибо, Пчёла.

Такая вот игра у нас. Когда работаешь в одиночку, как я, чтобы не разучиться разговаривать вообще, приходится с кем-то тренировать разговорные функции. Искусственный интеллект — самый тот кандидат. У большинства промысловиков такого нет.

Снова ложемент становится в вертикальное положение и разворачивается. Пора на работу. Она начинается только сейчас. До этого так, семечки. Подстрелить эрга — самое лёгкое. Бли-и-ин, как же неохота. Надоело до чёртиков. Но деваться некуда. Как говорилось в одном из тех же древних фильмов: «Надо, Федя, надо».

Четыре шага — и шлюз. В обратном порядке всё происходит быстрее. Труба шлюза провернулась. Снова здравствуй, Экзотт, глаза б мои на тебя не глядели! Беру из специального инструментального отсека, что располагается снаружи, эластичный трос, уже привычно затягиваю по петле на задней ноге каждой огромной туши и каждую привязанную ногу цепляю на отдельный гак. Их как раз два, намертво прикрученных к наружной части днища машины. И когда туша повиснет в воздухе, поднятая Пчёлой, ноги расшепелятся, словно у трудолюбивой продажной девки под клиентом. Сравнение так себе, но зато работать удобно.

— Вира помалу.

Тональность работы импеллеров изменилась, тросы натягиваются. Вот задние ноги огромного чудовища начали задираться вверх. Длина туши, если полностью вывесить, составит примерно, на глаз метров шесть — шесть с половиной. Но в таком разе обработать её не получится. На такую высоту я при всём желании не подпрыгну, а уж зависнуть на необходимой высоте тем более не смо-

гу. Как-то вот не повезло научиться летать. Поэтому делать всё придётся постепенно.

— Стоп, Пчела. Хватит пока. Так зависни.

— Принято, — бухтит искин в наушниках шлема приятным баритоном.

Если говорить откровенно, каждый раз, когда я начинаю кровавую работу, сердце ёкает. Страшно до ужаса просто. Экзотт — мир жестокий. Опасность может появиться в любой момент. А силовая штора хоть и является дальним родственником настоящей боевой защиты, призвана защищать рабочее место исключительно от пыли, поднимаемой работающими импеллерными двигателями. Так что надежда сугубо на следящее оборудование и собственные глаза. Да ещё интуиция порой спасает, причём гораздо чаще, чем собственно электроника. Без хорошо развитого чутья на Экзотте никак. Да и глаза, будем говорить честно, сквозь ту пылюку, что беснуется по другую сторону тонкой защитной плёнки, мало помогают. Одним словом, ни хрена не видно.

Однако страшно тебе или нет, работать-то надо. Значит, засовываем страх поглубже и начинаем. В правой руке — изуверского вида нож. Такие когда-то, на заре звёздной экспансии человечества (имеются в виду земляне), использовали абордажные команды. Идею слямзили у имперцев в Содружестве. И хотя на тот момент военные империи Кадар давно уже отказались от такого, с позволения сказать, «холодного» оружия, земных вояк это не остановило. Видимо, ещё не успели настолько цивилизоваться и хорошо помнили, что пуля, как водится, дура, а штык, наоборот, молодец.

Вот и этот «клинок», давненько уже доставшийся мне по случаю, был когда-то именно штык-ножом. Им оказалось гораздо удобней орудовать, нежели специальным разделочным инструментом. Он вибрирует мелко, раскручивая режущую мономолекулярную струну.

Работа давно привычная. Перехватила горло — кровь обильно брызнула на землю. Далее дело за малым. В пер-

вую очередь разобраться с требухой. Кровавое действо с вываливанием из брюха и перебиранием требухи — минут пятнадцать на всё про всё. Два короба шоковой заморозки полностью забиты ценной добычей. Пчёла как раз уже и грузовую лючину открыла.

Вниз скользнул трос погрузчика с магнитным захватом. Минута — и оба короба исчезли в недрах летуна, чтобы через такой же промежуток времени снова оказаться на земле, только уже пустыми. Работа продолжается. Нужно снять шкуру, параллельно с этим срезая с костьяка деловые куски мяса. Как закончу с этой громадиной, ещё три ждут. Охо-хо-хо-хо!

Пустя два с половиной напряжённых часа, из расчёта тридцать минут на тушу, наконец всё закончилось. Вот что значит опыт. Правильно говорят: его не пропьёшь. Он либо есть, либо его нет. Хм-м, когда-то мне и двух часов на разделку одной туши не хватало.

Блин, а спина-то не казённая. И это ещё экзоскелет скафандра помогает. Без него вообще никак. Гравитация Экзотта на 0,2 G выше привычной.

— Регистрирую угрожающую активность агрессивной фауны! — сообщает искин летуна.

О! Что-то сегодня слишком рано зашевелились. Однако вовремя управилась. Так-то я знаю, что мелкие падальщики давно уже тусуются неподалёку, да пугалка останавливает. Но сейчас что-то, видимо, особенно засуетились, Пчёла ведь просто так предупреждать не станет. Впрочем, мелкие они, но разве что по сравнению с крупными — человеку хватит. Мелочь размером с крупного земного медведя. Нормально так, да? Правда, от одного такого легко можно отстреляться даже одним игольником. Вот только проблема в том, что по одному они не ходят, всегда стаей, голов в двадцать, иногда даже больше.

Против такой толпы даже двух тяжёлых игольников мало будет. Ещё и бегают, гады, быстро. Очень быстро. Вот они далеко — а вот уже грызануть пытаются. Слушай что, защитные турели летуна и те не успеют всех